Киро Ли

Король улиц

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Киро Ли
Король улиц

https://litres.ru/74942203
SelfPub; 2026

Аннотация

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ. 18+

Ему было одиннадцать, когда город забрал у него всё: родители погибли в аварии, и Со Джухёк остался один в огромном Сеуле. Двоешник, щуплый, никем. Он лез в каждую драку, проигрывал каждую — и каждый раз вставал.

За это упрямство его заметил глава банды «Гвозди» Ю Гильсу: забрал, выучил, вложил всё, что умел сам. А потом погиб — и Джухёк снова остался один.

Это история о том, как никто из задней парты стал самым опасным человеком Сеула. Первая война — школьный спортзал. Дальше — улица: банды, падающие одна за другой, районы, узнавшие одну волю на весь город, и преступный синдикат, вставший под его знамя.

Теперь у него татуировки и шрамы, о которых не спрашивают, и главная тату на всю спину: королевская кобра с ангельскими крыльями. И лицо, которое годы будто не тронули.

Здесь учат: нож достают, когда всё уже решено.

Он был никем.

Он стал Королём улиц.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Г 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Киро Ли
Король улиц

Глава 1

Глава 01. Завяжи шнурки

Утро вторника пахло рисом, дождём и отцовским гелем для бритья.

Со Джухёку было одиннадцать лет. Он был маленьким и худым — на целую голову ниже всех в классе. Узкие плечи, торчащие лопатки, тонкие запястья и колени, которые всегда были в ссадинах.

Лицо — обычное, детское: острый нос, упрямый подбородок и большие тёмные глаза, которые смотрели слишком внимательно для мальчишки.

Папа называл это «взглядом инспектора» и имел в виду не комплимент. Волосы — чёрные и всегда всклокоченные: не потому, что он их так укладывал, а потому, что он так жил. Расчёсывание входило в утренний план примерно между «поиграть ещё пять минут» и «какие, к черту, уроки, я уже бегу».

Он не мог стоять на месте дольше пяти секунд. То крутил на пальце карандаш, то прыгал на ступеньках, то шёл по краю тротуара с раскинутыми руками.

Учительница говорила: «Этот как батарейка — вставили и работает весь день». Папа говорил точнее: «Батарейка без таймера. Выключается только в бою». За маленький рост его дразнили «цыплёнком» — ровно одну неделю. Потом дразнить переставали: маленький и худой, он умел быть таким неугомонным, что даже большие мальчишки уставали первыми.

Перед зеркалом в прихожей он вёл неравный бой с галстуком. Проигрывал. Вертелся, дёргал ворот рубашки — от его вечного движения казалось, что в прихожей стоит не один человек, а двое.

— Стой на месте, — мама возникла за его спиной в зеркале, как всегда беззвучно.

— Я стою!

— Ты стоишь по частям. Кисть — вправо. Локоть — влево. Собери себя.

— Мам, я не конструктор!

— Стой.

Ким Ынчжи, тридцать девять лет, старший аналитик отдела криминальной разведки Восточного управления полиции Кванджу. Она не носила форму и не ездила на задержания — она делала то, чего не умел никто в управлении: из тысяч банковских выписок, звонков и квитанций собирала единый рисунок и говорила: «Они пойдут через это. Сегодня ночью». И они шли. За девять лет через её руки прошли дела, которые начальство хоронило как безнадёжные, — и

возвращались они из её отдела с обвинительными. Криминальный мир Кванджу знал её под именем, которого не было ни в одном документе: «Паучиха Донгу». Не потому, что она кричала и пугала. Потому что те, кто попадал в её сети, понимали уже слишком поздно: сеть была сплетена полгода назад, и выхода из неё не закладывали. На допросах она говорила тихо, вежливо и без единого лишнего слова — и этим пугала сильнее, чем крик.

Дома это была просто мама. Быстрая, сухая на язык, с острыми скулами и внимательным прищуром. Волосы собраны наспех и, как всегда, лучше, чем у всех. Она говорила коротко, точно и с юмором, который вспыхивал в самый неожиданный момент. Не любила суеты и не повторяла дважды.

Единственная её слабость, известная мужу и сыну: она до последнего сопротивлялась слезам — а потом боялась, что заметили.

Она перехватила галстук, дёрнула, завязала двумя движениями — двадцать лет вязала по уставу: сначала отцу, потом мужу, теперь сыну.

— Готово. Теперь ты выглядишь как человек, которому можно доверить ключи, — она потрепала его по макушке, взъерошив всё, что удалось уложить.

— Мам! Я укладывал!

— Знал бы ты, сколько раз твой отец стоял по стойке смирно перед комиссией. Переживёшь.

Из кухни пахло рисом, яйцом и терпким кофе. Отец сидел

за столом со сводкой в руках — не утренней газетой, а служебной, потому что Со Минчхоль читал сводки за завтраком так, как другие читают спорт.

Со Минчхоль, сорок один год, старший инспектор отдела по борьбе с организованной преступностью.

Крупный — не качок, а тяжёлая кость: широкие плечи, рабочие руки, шрам через бровь ещё с двадцатого года службы. Лицо неприметное, забываемое за минуту, — и он этим гордился: в его работе заметность стоила слишком дорого. Но у этого неприметного лица было имя. «Чёрный пёс Донгу» — так его звали в подпольных залах и на оптовых базах и произносили пониженным голосом, как говорят о стихийном бедствии. Пятнадцать лет его пытались купить — и не смогли: не сломился ни на деньги, ни на компромат, ни на угрозы семье.

После третьей попытки в отделе появился негласный порядок: дела, от которых отказались двое, отдавали Минчхолю. Он брал всё. И не терял ни одного.

Стрелял он, к слову, лучше, чем весь отдел, — и на соревнованиях этот факт держали в секрете, чтобы пугать им молодых выпускников.

Дома он говорил мало и по делу, и в этом «по делу» слышалось всё: «садись есть» значило «я по тебе соскучился», «не отвлекайся, уроки» значило «мне важно, каким ты вырастешь». Строгость у него была не голосом, а постоянством: пообещал — сделал; сказал «нельзя» — значит, и завтра

нельзя, и через год нельзя. Ровная стена, за которой можно жить спокойно. Он замечал всё сразу: что сын худ и мало ест, что кроссовки стёрты с внутренней стороны — значит, бегает, что глаза красные по утрам — значит, в семь сидел за игрой, а не за уроками. Ничего не говорил при всех. Потом в рюкзаке обнаруживались новые стельки и записка: «Спать до 22:00. Папа».

— Ты опять не поел, — сказала мать, ставя перед сыном тарелку.

— Поел.

— «Поел» — это «съел», а не «потрогал». Объясняю тебе это в одиннадцатый раз. Тенденция тревожная.

— Мам, я опаздываю.

— Он не опаздывает, — сказал отец, не поднимая глаз от сводки. — Он бесится. Это другое.

Джухёк сгрёб рис ложкой со скоростью, которая означала «я услышал, я согласен, я бегу», и между двумя ложками успел спросить:

— Пап, а ты чего эту бумажку читаешь? Ты её вчера читал. И позавчера.

— Сводка не меняется.

— Тогда зачем читать?

— Затем, что в ней либо пропущена строка, либо строка появится там, где её не должно быть. Разница — в этом всё дело.

— То есть ты читаешь её, чтобы поймать ошибку?

— Чтобы поймать ошибку, которая однажды будет стоить чьей-то жизни.

Джухёк пожевал, подумал и нашёл ответ:

— А моя стратегия проще. Я читаю страницу один раз и играю дальше.

— И как, побеждаешь?

— Постоянно.

— А если проиграешь — что будет?

— Перечитаю страницу, — сказал Джухёк без запинки. — И найду ошибку.

Отец медленно опустил сводку и посмотрел на сына. Мать замерла с тарелкой в руках — и смотрела на мальчишку с плохо скрытым восторгом, как смотрят на лучшую операцию за месяц.

— Паучиха, ты слышала? — сказал отец. — Мой сын разобрал мой метод за один ход.

— Слышала. Ген сильный. В нём моя половина.

— В нём упрямство.

— Упрямство — это ты. Логика — я. Мне досталось меньше, но качество выше.

— Спорное утверждение.

— Проверяемое. Кто из нас двоих был старшим по делу «Гавань»?

— Кто из нас двоих завалил переговоры в Мокпхо?

— Меня прервали. Ты в курсе, что меня прервали?

— Я в курсе, что ты девять лет помнишь прерванные пе-

реговоры.

Джухёк фыркнул в рис — и получил такой взгляд от обоих родителей одновременно, что немедленно сделал вид, что ничего не происходило.

— Ешь, — сказал отец без всякого нажима. — И слушай сюда. Раз ты так силён в стратегии, значит, осилишь математику. До пятницы. Без троек.

— А если осилю?

— Тогда разговор.

— Разговор — это «можно» или «нет»?

— Разговор — это разговор.

— Пап, у тебя глаза смеются, а голос строгий. Я тебя насквозь вижу.

— Ешь быстрее.

— Он вас тоже видит насквозь, — сказала мать мужу.

— Признавайся: щенок уже вымыт и ждёт в машине?

— Никакой щенок в машине не ждёт.

— Значит, ждёт в гараже.

— Ынчжи…

— Всё-всё. Молчу. — Она молчала ещё секунд десять, и это было молчание в её исполнении.

Джухёк доел под взглядом матери — она не отводила глаз, пока тарелка не опустела, — поймал рюкзак, собранный с вечера: учебники, тетради, тетрадь по математике, старая, с чистой обложкой, без единой наклейки, — сунул ноги в кроссовки у двери, не завязывая, как всегда, и уже в проёме

обернулся. Вернее — попытался обернуться всем сразу: голова уже была в подъезде, а тело ещё в квартире.

— Стоп, — отец не встал. Просто сказал «стоп», и Джухёк замер. — Кроссовки.

— Они нормальные.

— Завяжи.

— Мам, скажи ему…

— Завяжи, — сказала мать. И это было окончательное «на двоих»: когда они произносили одно слово с разных сторон, спорить было бесполезно. Джухёк знал: так начинались их самые лучшие операции.

Он присел, повозился со шнурками и выпрямился — снова вертясь, как волчок.

Отец стоял у стола, одна рука на спинке стула, вторая держала чашку. Белая рубашка с коротким рукавом, нагрудный жетон, который он застегнёт через двадцать минут. Последняя деталь, которую Джухёк запомнит навсегда, ещё не зная, что запоминает: отец коротко кивнул ему, как кивают напарнику перед сменой. Не помахал. Не улыбнулся. Кивнул — «работай».

Мать поправляла отцу воротник — привычка с их свадьбы; он никогда не поправлял сам, она никогда не спрашивала зачем. Потом повернулась к сыну, и лицо у неё на секунду стало совсем обычным — маминым, без «Паучихи» и без скороговорки:

— Ключи.

— В кармане.

— Проверь.

— Мам.

— Проверь, Джухёк.

Он потрогал карман. Ключи были. Он посмотрел на неё — она смотрела чуть дольше, чем нужно, и что-то в этом взгляде было тёплое и непонятное, как будто она знала про этот день то, чего не знали они.

— Всё, беги. Ты задерживаешься. И если позвонят из школы — я узнаю первой. Я всегда узнаю первой.

— Я знаю, — вздохнул Джухёк. — Ты вообще всё узнаёшь первой. Это как работает?

— Магия, наглец. Беги.

Дверь закрылась. Он не оглянулся в подъезде. Не оглянулся на улице, где мать, как всегда, простояла бы у окна пятого этажа две минуты, пока он не скроется за углом. Сегодня он не видел этого, потому что бежал: первый звонок, новая игра на переменах у Минджуна, чёрный щенок деда Мина, который, может быть, сегодня его наконец полюбит. Он не знал, что это последнее утро, когда кто-то дома его ждёт. Он не знал, что в сумке у матери лежат три листа с расчётами по грузопотокам через порт Кванъян — и что к вечеру все три листа исчезнут из дела, закрытого «за недостатком доказательной базы». Он не знал ничего. Ему было одиннадцать лет, и мир был большим, обычным и безопасным. Через несколько часов в дверь класса постучит человек

в форме.

Глава 2

Глава 02. Пять с плюсом

Уроки в тот день шли как сквозь вату — и Джухёк этого даже не заметил.

Не потому, что было скучно. А потому, что у него был план. План был простой и железный: дотерпеть до конца уроков, а после — не домой, а к деду Мину. Помочь чистить клетку, «просто посмотреть» на чёрного щенка с белым пятном на груди, который, может быть, сегодня наконец его полюбит. А завтра — математика. Без троек. Потому что до пятницы оставалось три дня, и щенок, если всё пойдёт по плану, к выходным будет стоять в квартире.

Про планы Джухёк знал одно: если план не записан — его не существует. Он записал свой утром на полях тетради по природоведению, и теперь тетрадь лежала в рюкзаке, а план тикал в голове, как будильник.

Уроки начинались в полдевятого. Четыре — до большой перемены, потом пятый и шестой, и в 13:35 звонок отпускал всех домой. Почти всех. После обязательных уроков у Джухёка оставались занятия после уроков — математический кружок у Ким-сонсаен до трёх. «Сонсаен» значит «учитель» — так здесь зовут всякого, кто ведёт урок. Записался он туда ещё в сентябре: мама настояла, потому что Джухёк учился на одни тройки и лишь изредка получал хотя бы чет-

вёрку, что уж говорить про пятёрки, а папа сказал, что математика — «это как строевая: если запустил, потом не догонишь». Джухёк ходил исправно и половину времени смотрел в окно. Но сегодня у кружка была вторая причина, поважнее: дед Мин и щенок ждали после трёх.

На большой перемене Минджун — рыжий, веснушчатый, вечно громкий — развалился рядом на скамейке и вытащил телефон.

— Слушай, я вчера такую штуку скачал… — Он ткнул пальцем в экран. — Тут вот этот герой по стене карабкается, и если вовремя нажать, он перепрыгивает через…

— Дай сюда.

— Э, куда?! У меня же прогресс!

— Прогресс, — сказал Джухёк, глядя в экран, — это когда играешь и выигрываешь. А у тебя играешь — и проигрываешь. Два уровня за неделю. Я пройду их за одну перемену.

— Это невозможно!

— Пять тысяч вон.

— Чего?

— Ставлю пять тысяч, что пройду. Если не пройду — верну и ещё пять сверху.

— У тебя нет пяти тысяч.

— У тебя тоже нет. Поэтому ничего не теряем. Считай, играем бесплатно.

— Ладно. — Минджун повертел телефон в руках, но отдал. — Если пройдёшь — буду звать тебя легендой.

— Договорились. Только потом не реви.

И потом всю перемену — все пятнадцать минут — Минджун просидел с открытым ртом, пока Джухёк молча, не отвлекаясь, проходил то, что у него самого не получалось со второй попытки.

— Ты вообще в такое раньше играл? — спросил Минджун наконец.

— Нет.

— А как ты так?!

— Я смотрел, как ты играешь. Ты всегда делаешь одно и то же: бежишь вперёд и жмёшь, жмёшь, жмёшь. А тут надо наоборот — подождать. Полсекунды подождать и прыгнуть.

— И всё?!

— И всё. Ты просто не ждёшь.

— Круто… — Минджун забрал телефон, посмотрел на него с новым уважением и вдруг выпалил: — Слушай, а давай после кружка ко мне! Снеки есть, кола, я тебе новый уровень покажу!

— Не могу. После кружка у меня встреча.

— С кем? Ты же ни с кем не общаешься в школе, кроме меня.

— С очень важным и милым существом. — Джухёк выдержал паузу, как это делал папа перед особенно сильным аргументом. — Невысокого роста пока. Чёрный. С белым пятном на груди, как будто молоко налил и не вытер.

— Собака?!

— Щенок. Если завтра математика будет без троек — он мой. Так что сегодня у меня встреча с дедом Мином. Это важнее колы.

— Это же просто собака…

— Это не «просто собака», — Джухёк встал и одёрнул рюкзак. — Это член семьи. Просто пока живёт не у нас. В 15:05 не звони — я буду занят.

— Ты серьёзно?! Джухёк! Ну Джухёк!

Но прозвенел звонок, и Джухёк уже шёл в кабинет — быстрым, деловым шагом человека, у которого впереди самая важная встреча недели.

Пятый и шестой уроки были математикой. Джухёк сидел на четвёртой парте у окна и решал с такой яростью, будто каждая задача охраняла клетку со щенком. Самому ему это было странно: обычно он решал как все — что задали, и как получится. Но сегодня он решил, что должен решить всё.

Пять обязательных задач он закрыл к середине шестого урока. Открыл шестую — со звёздочкой — и завис. Она была хитрая: три действия, а сходились не сразу, будто кто-то нарочно переставил числа.

Джухёк пробовал один путь, стирал, пробовал второй, снова стирал. Резинка стёрлась до половины.

Такую задачу в их классе не решал никто — её пропускали даже отличники, только Мин Джису однажды попробовала и бросила на середине.

— Не силой берут, а терпением, — сказала учительница,

проходя мимо. — Время есть.

— У меня после математики встреча. Очень важная.

— Важнее математики?

— Намного. Если сегодня я получу хорошую оценку, то папа разрешит мне забрать его домой.

— Хм. — Учительница посмотрела на его тетрадь — на три стёртых до дыры строчки — и поджала губы, но уголок рта предательски дёрнулся. — Судя по подчисткам, встреча у тебя не только важная, но и без шансов. Ты в четвёртый раз переписываешь второе действие.

— В пятый, — честно поправил Джухёк.

— О. Значит, и упорства у тебя больше, чем я думала. — Она постучала пальцем по строчке с задачей. — Тогда совет на дорогу: если гость не может прийти сам, не тяни его за шиворот. Расставь ему мебель — пусть сам захочет войти.

Джухёк уставился на неё.

— То есть как это?

— А вот так, — она уже шла дальше к доске. — Решишь — поймёшь. Никогда не решал задач со звёздочкой — не знаешь, как они входят.

— Ким-сонсаен, а вы…

— После уроков, — она махнула рукой, не оборачиваясь. — Если решится — расскажешь мне сам.

В 13:35 звенел звонок — и класс гурьбой потёк вон, к свободе, к булочным и игровым площадкам. Джухёк остался. Он пересел поближе к доске, разложил тетрадь на весь стол и

продолжил воевать со звёздочкой — кружок начинался через пять минут, а он и на перемене умел работать.

Кружок собирался из восьми человек: четверо решали олимпиадные варианты, трое глухо застряли на повторении дробей, и только у Джухёка было своё задание — задача, которая отказывалась сходиться в три действия.

В 14:58 он посмотрел на настенные часы. Ровно через две минуты закончатся занятия.Ещё чуть-чуть, и он пойдёт к деду Мину, а задача — задача вот-вот.

Он не заметил, что в коридоре стало тихо.

Не школьная тишина, когда все на занятии и тихо от сосредоточенности. Другая. Тишина, у которой есть шаги: несколько пар, неспешных, нешкольных — взрослые не прячут звук, им некуда спешить. Шаги шли по коридору — слышно это по тому, как смолкают голоса за дверями соседних классов, — и ближе, ближе, и наконец остановились у их двери.

Дверь открылась. Без стука — так открывают двери люди, которым не нужно разрешения.

Первым вошёл директор. Седой, всегда громкий, всегда с шуткой про контрольные и столовую, — он сейчас шёл мелкими шагами, вцепившись в ручку портфеля обеими руками, и оглядывался на того, кто шёл следом. Так смотрят на врача, которого позвали к тяжёлому больному.

За директором вошёл человек в форме.

Высокий, немолодой, в идеальной форме, с чёрной траур-

ной повязкой на рукаве, со служебной сумкой через голову и папкой в руках. Последними в дверях остановились ещё двое в такой же форме, с такими же повязками, — они остались у двери, сняв фуражки и прижав их к груди.

Повязки Джухёк заметил. Но они были просто чёрными полосками — они ещё ничего не значили для него.

— Здравствуйте, дети, — сказал человек в форме.

Голос был негромкий и очень ровный — так говорят не с классом, а с кем-то одним, кого ещё ищут глазами.

— Меня зовут капитан Пак, третья инспекция Кванджу. Я бы хотел поговорить с Со Джухёком.

Класс понял раньше Джухёка. Так бывает: пока до тебя доходит — вокруг уже всё поняли. Семь голов повернулись к четвёртой парте у окна — разом, одинаково, и Джухёк ощутил на себе эти взгляды, тёплые, испуганные, чужие. Он медленно поднял руку, как на опрос.

— Я тут, — сказал он.

Учительница уже стояла. Она перехватила взгляд директора: короткий, извиняющийся, с немой просьбой «держись». Она ответила взглядом — приняла. А потом повернулась к детям и сказала тихо и почти обычно, как говорят «откройте учебники»:

— Ребята, собирайтесь. Сегодня закончим пораньше.

Дети не задавали вопросов. Они собирались медленно, стараясь не звенеть пеналами, не скрипеть стульями, — никто не сказал им ни слова, но они почувствовали, что сейчас

нельзя издавать ни звука.

Они выходили один за другим, и каждый, проходя мимо четвёртой парты, оглядывался на Джухёка.

Ким-сонсаен задержала у двери последнего, что-то шепнула ему; он кивнул и тоже ушёл. Потом её позвал директор — что-то про документы, про родителей, — и она вышла, оставив дверь класса приоткрытой.

Стало совсем тихо. Только за окном размеренно стучал дождь.

Капитан Пак подошёл к парте, присел перед ней на корточки — так, чтобы его глаза оказались на уровне глаз Джухёка. Он смотрел на мальчика внимательно, будто сверял с чем-то, чего в этой комнате не было.

Он работал с отцом пятнадцать лет — и впервые видел его сына.

— Прошу прощения, что приходится срывать твоё занятие, — сказал он тихо. — Но мне нужно сообщить тебе нечто важное.

— А что случилось? — Джухёк посмотрел на папку, на повязку. — Я что-то натворил?

— Нет. Ты ничего не натворил.

— Ага. — Джухёк покосился на тетрадь — шестая задача оставалась нерешённой. — А можно быстро? У меня пример не решён.

— Понимаю. Но сейчас не выйдет.

Капитан Пак подвёл стул, сел рядом, на один уровень с

Джухёком, и поставил между ними папку. Потом вынул из форменной сумки маленькую бутылку воды — купил её в магазинчике перед школой: знал, как бывают длинными такие разговоры. Открутил крышку и поставил перед мальчиком на парту.

— Попей. Незачем спешить с этим делом.

— Я не хочу пить. — Джухёк подвинул бутылку обратно. — Сначала скажите, что случилось.

Капитан Пак завернул крышку и заговорил тихо и медленно, как говорят самое трудное:

— Джухёк. Сегодня на трассе под Кванджу случилась авария. В машине было двое. Твои папа и мама.

— Ага. — Джухёк ждал продолжения. — И что? Попали в больницу? Папа всегда говорит: не бывает аварии без эвакуатора.

— Джухёк. Они погибли. Оба.

— Нет, — сказал Джухёк.

Просто «нет», и всё. Он не спорил, не приводил доводов — он сказал «нет» так, как отмахиваются от мухи: звук был, смысла не было.

— Вы, наверное, ошиблись, — сказал он всё-таки, тише. — Мама позвонила бы, если задерживается.

Она не звонила, потому что ещё не задерживается. Они просто ещё едут.

— Я не ошибся, Джухёк. Я знал твоего отца пятнадцать лет. — Капитан Пак помолчал. — Всё случилось очень быст-

ро. Они не почувствовали боли. Это не чья-то вина и не чей-то страшный проступок — просто мокрая дорога и тяжёлая машина навстречу.

— Позвоните маме, — сказал Джухёк. Голос был ровный, почти спокойный. — Дайте телефон, я сам позвоню.

— Джухёк…

— Дайте телефон. — Он протянул руку. — Вы же видите, что я не плачу. Дайте телефон, и я перестану думать, что вы ошиблись.

Капитан Пак не спорил. Он знал по своему опыту: с ребёнком в такие моменты не спорят. Он просто тихо сказал:

— Джухёк. Посмотри на дверь.

Джухёк посмотрел. В дверях класса стояли двое полицейских. Фуражки они держали в руках — обе, прижав к груди. Головы были чуть опущены. Они не переговаривались и не смотрели по сторонам.

Взрослые люди так не стоят. Взрослые так не стоят, когда ошиблись.

Джухёк опустил протянутую руку. Он смотрел на фуражки, прижатые к груди, и внутри у него что-то медленно, медленно оседало — как оседает песок, когда из-под него уходят опоры.

— Это значит, что они умерли? — спросил он наконец. Голос был тихий.

— Да. Оба. Мне очень жаль.

— А куда они теперь?

— Сейчас они у врачей. С ними всё будет по-человечески, я лично прослежу, — капитан Пак говорил медленно, ничего не скрывая, но и не вываливая всё сразу. — Джухёк, ты меня слышишь?

— Ага.

— И вот что мы сделаем, — капитан Пак заговорил другим голосом, деловым, тихим, как договариваются о самом важном. — Я сейчас пойду к директору — это займёт немного времени. Ты сидишь здесь и ждёшь меня. Никуда не уходишь. Потом мы вместе поедем в участок — там тебя ждёт тётя. Тётя Суён. Она мамина сестра — ты её помнишь?

— Ага, — сказал Джухёк, но уже не слышал капитана Пака.

— Она ждёт тебя. Так что жди меня здесь, и мы поедем к ней вместе. — Капитан Пак положил руку на голову мальчика.

— Ага.

Капитан Пак посмотрел на него. Долго. Мальчик не плакал, не кричал, не переспрашивал — и от этого было страшнее, чем если бы плакал.

Он снова придвинул бутылку — на самый край парты, поближе к Джухёку.

— Попей. Хоть глоток.

Джухёк открыл бутылку и сделал глоток. Вода была холодная, и от неё стало как будто холоднее всё вокруг.

— Джухёк, — сказал капитан Пак, и голос у него был уже

не следовательский, а просто человеческий. — Ты ни в чём не виноват. Запомни это. Сегодня ты не поймёшь, а потом поймёшь. Только запомни. И если станет страшно — позови. Я буду у директора.

— Ага.

Капитан Пак кивнул, собрал папку и вышел. В коридоре уже слышались глухие голоса и скрип стула — директор говорил по телефону. Джухёк смотрел на закрывшуюся дверь, потом ещё немного — на пустое место, где стоял стул.

Странный какой-то дядька, — подумал он смутно. — Говорил, говорил, и на самом интересном месте ушёл.

За стеной прозвенел звонок — ровно в 15:00, конец занятий. Обычно в этот момент коридор взрывался: хлопали двери, кто-то кричал, кто-то бежал. Сегодня никто не вышел. Звонок прозвенел и умолк, как будто сам испугался.

Джухёк сидел за своей партой в пустом классе. Никто не спросил его ни о чём — и от этого было легче, чем если бы спросили.

И вот тогда, в тишине опустевшего класса, план собрался сам — ровный, ясный, железный, как всегда собирались его планы.

Задача. Решить. Пять с плюсом, красная наклейка.

Папа вернётся поздно — положу тетрадь на стол, под его чашку, чтобы он увидел первым делом. Он сделает вид, что не удивлён, но удивится. Мама скажет: «В кого такой умный» — и посмотрит на папу. А он скажет: «В меня» — и она

скажет: «Идёт». И тогда я скажу про щенка.

Всё. Всё складывалось. Каждый шаг стоял на своём месте, и ни один не был лишним.

Он вспомнил, что сказала учительница: расставь гостю мебель — пусть сам захочет войти. Он перечитал задачу ещё раз. И вдруг увидел — не глазами, а как будто изнутри: числа не переставлены. Они просто стоят не с того края. Их надо было не двигать — их надо было развернуть. Сначала — назад, потом — вперёд.

Он взял карандаш и написал с самого начала, как учили: сначала — одно, потом — другое, потом — третье. Считал медленно, выговаривая каждый шаг.

Сошлось. Пересчитал. Сошлось снова. Он перечитал задачу от начала до конца — отец научил: «задачу читают трижды, ошибку ловят на третьем разе».

Ошибки не было.

И тут в класс вернулась учительница.

Она подошла к его парте, взяла тетрадь и прочитала — сначала быстро, потом медленно, потом ещё раз последнюю строчку.

— Сам? — спросила она тихо.

— Да. Всё благодаря вам, — сказал Джухёк. — Я понял только сейчас.

— Вижу. — Она аккуратно выпрямила тетрадь на парте, как выпрямляют что-то драгоценное. — Джухёк, её не решал никто в классе. Джису попробовала — и бросила на середи-

не. — Она смотрела на него так, словно увидела что-то новое в старой вещи. — Ты вообще-то троечник. Я тебе это говорила.

— Ну да, — сказал Джухёк. — Сегодня исключение.

— Никаких исключений. — Она покачала головой. — Просто сегодня ты захотел сильнее, чем обычно. Это не исключение, Джухёк. Это ты настоящий. Просто обычно прячешься.

Она положила тетрадь и вывела на полях красной ручкой «Пять с плюсом». Потом достала из нижнего ящика стола маленький лист наклеек — особенный, тот, что доставала редко, — и аккуратно прижала к обложке красную звёздочку. За все годы, что она вела этот класс, красную звёздочку не получал ещё никто.

— Пять с плюсом, — сказала она. — Держи. Ты заслужил. По-настоящему.

— Спасибо, — сказал Джухёк. Он смотрел на красную звёздочку и чувствовал, как что-то внутри распрямляется, как пружина, которую наконец отпустили.

Папа увидит первым делом.

За окном шёл дождь. Мелкий, осенний, безразличный. Капли били по стеклу размеренно, как метроном.

Капитан Пак всё не приходил. В кабинете директора что-то звучало — звонки, приглушённые голоса, шаги. Может, у него много дел. У Джухёка тоже были дела, и они ждали дома.

Он посмотрел на часы. 15:10.

Он посмотрел на красную звёздочку на тетради.

Он посмотрел на рюкзак.

Учительница стояла у окна спиной к классу — она разговаривала по телефону: что-то согласовывала, отвечала коротко и устало, и телефон занимал её целиком.

И — без раздумий, без страха, без единого «а вдруг» — Со Джухёк тихо сунул тетрадь в рюкзак, застегнул обе пряжки, поднялся и выскользнул за дверь — так тихо, как умеют уходить дети, которые не хотят, чтобы их звали обратно.

Учительница обернулась через минуту — и увидела пустой класс.

Она выбежала в коридор. Пусто. Выбежала на лестницу — пусто. Только внизу, за стеклом двери, мелькнул и скрылся за деревьями маленький рюкзак с двумя пряжками.

Она вынула телефон и набрала номер, который капитан Пак оставил ей на такой случай. Голос у неё сорвался на первом же слове:

— Капитан Пак! Джухёка нет! Он ушёл — из класса, из школы! Он поехал домой, я знаю, он поехал домой один!

Джухёк бежал на остановку. Он торопился домой, встречать родителей.

Папу, который вернётся поздно. Маму, которая привезёт ракушку.

Рюкзак бился о спину. В рюкзаке, застёгнутом на обе пряжки, лежала тетрадь с красной звёздочкой — и ждала,

когда её положат на стол, на отцовское место, чтобы он увидел первым делом.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.